

СУЩНОСТЬ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Глыбовская Н.А., старший преподаватель кафедры гражданского и государственного права

Резюме. В статье рассматривается правовой нигилизм как психологическая характеристика определенной стороны правосознания. Исследуются предпосылки правового нигилизма, коренящиеся в психике человека. Опираясь на общенаучную философскую методологию, автор анализирует соотношение социального и правового нигилизма, как общего и частного понятий. Обосновывается тезис о том, что в основе правового нигилизма индивида лежит ощущение неудовлетворенности действующим правом, конфликт между требованиями правовых предписаний и личными экзистенциальными потребностями.

Summary. The legal nihilism as psychological characteristic of the certain aspect of juridical conscience has been considered. The preconditions of legal nihilism having roots in human psycho have been investigated. On the basis of general scientific philosophical methodology the relation between social and legal nihilism as that between general and particular notions has been analyzed. The thesis has been grounded that the basis for the individual's legal nihilism is the feeling of dissatisfaction with the current law, the conflict between the requirements of law precepts and personal existential needs.

Понятие правового нигилизма подразумевает не только качественную характеристику общества, связанную с широким распространением неуважения к правовым нормам и юридическим процедурам, но и определенный элемент субъективного мироощущения индивидуума. Правовой нигилизм проявляет себя через своих носителей, выражаясь в их взглядах, высказываниях и поступках. Раскрыть сущность правового нигилизма – это значит найти общие точки, в какой-то момент объединившие мировоззрение столь разных личностей, как, например, просвещенный писатель Лев Толстой и некий асоциальный правонарушитель-рецидивист, чья жизнь регулируется неписаными «деликвентными» нормами криминального мира. Решить такую задачу возможно лишь опираясь на общенаучный философский метод, памятуя о том, что правовой нигилизм в реальной жизни тесно переплетается с нигилизмом социальным. Имеющиеся в науке философские определения нигилизма как родового понятия призваны составить методологическую базу изучения нигилизма юридического. Было бы наивно полагать, что проблему определения и преодоления правового нигилизма можно решать в рамках «чистого права», без использования многообразных междисциплинарных связей, существующих между социальными науками. Нельзя не согласиться с высказанным в литературе мнением, что за первым шагом изучения должен наступить и второй – построение уже не общего, а специализированного понятия нигилизма, присущего юридической сфере [1, с.5]. Вместе с тем слишком сильный отрыв от философской методологии и попытка исследовать процессы деаксиологизации правосознания в узких рамках специально-юридической методологии может нанести вред четкости формулировок, единству терминологического аппарата и, в конечном итоге, самому пониманию сущности правового нигилизма. Так, на наш взгляд, именно тот разрыв, который существует сегодня в научной литературе между философским и юридическим определением нигилизма, вносит некоторую путаницу в само понятие правового нигилизма и классификацию его форм.

Конкретными проявлениями правового нигилизма часто назывались существенно различные по своей природе явления: народный бунт, бойкот правительственных мероприятий, забастовки, нежелание связываться с громоздкими процедурами судебной защиты нарушенного права, бездействие органов власти, отсутствие у населения интереса к праву и т.д. Все эти явления хоть и свидетельствуют,

каждое по-своему, об определенной социальной девальвации права, тем не менее, не всегда несут на себе печать нигилизма. Было бы не вполне корректно отождествлять все признаки низкого уровня правовой культуры современного общества непременно с правовым нигилизмом. Даже если речь идет о сугубо правовой сфере, нигилизм все-таки должен сохранять некие качественные характеристики, позволяющие не путать его с другими родственными или схожими по проявлениям формами деаксиологического правосознания. Безусловно, правовой нигилизм имеет свою специфику, однако сомнительно, чтобы его природа была настолько далека от природы социального, нравственного, государственного нигилизма, чтобы он мог представлять из себя какое-то принципиально иное явление, вовсе не укладывающееся в общенаучное понятие «нигилизм». Именно поэтому так важно спроецировать философское понимание нигилизма на правовое поле и проанализировать соотношение нигилизма социального и нигилизма правового, как общего и частного понятий.

Как отмечает автор монографии о нигилизме А.И. Новиков: «Термин «нигилизм» имеет судьбу удивительную и противоречивую. В зависимости от содержания, которое вкладывалось в него, это слово звучало и как гордый вызов устаревшему обществу, и как обвинение в бессмысленном разрушении культуры и морали, и как символ десоциализации человека» [2, с.3]. Как особый термин «нигилизм» был введен в оборот немецким философом Ф.Г. Якоби в его послании к И.Г. Фихте (1799 г.) и несколько позже приобрел широкую распространенность среди интеллектуалов Европы, во многом и благодаря роману И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862 г.) [3, с.689–690]. Нигилизм в то время связывался с переоценкой всех ценностей – именно тех, которые и наполняют смыслом все действия и стремления людей. Возникает так называемый нигилизм «петербургского фасона» (по определению Ницше), означающий истовую *веру в неверие*, готовность принять за эту веру любые муки. Такой нигилизм преследовал цель новых жизнеутверждающих принципов, обозначения *нового пути к «Да»*. Ницше отмечал, что русский нигилизм научившись не доверять какому-то одному авторитету, стремился найти другой. (Запомним эту особенность нигилизма «петербургского фасона» – несколько далее мы будем иметь возможность убедиться в том, что она вполне находит свое выражение и в современном отечественном правовом нигилизме.)

В истории европейской философии нигилизм – это последовательная анти-рационалистическая концепция, мироощущение и поведенческий принцип, фундированный отрицанием тех или иных социокультурных оснований. В современной философии нигилизм связывается также с массовыми явлениями психо-невротического и патологически-деструктивного порядка. Истоки правового нигилизма видятся в конфликте социальной среды с представлениями, потребностями и качествами, присущими конкретному индивиду или определенной социально-ущемленной группе. В основе любой социально активной деятельности лежит стремление к удовлетворению потребностей, характерных для конкретного индивида. Лишение же возможности реализации потребностей трансформирует законопослушного гражданина в социально опасного нигилиста. Ощущение неудовлетворенности стремлений может принять форму нигилизма, например, затянувшись во времени, либо переходя в разряд экстремальных для психического или физического здоровья или социального статуса индивида [4, с.12–13]. Такое состояние может выливаться в ненависть, которая, будучи во многом иррациональной, становится питательной средой для формирования и укоренения нигилистических установок в сознании.

Таким образом, нигилистическое мировоззрение может быть расценено как защитный механизм, реакция на собственную несостоятельность, невозможность реализовать индивидуальные потребности в традиционных рамках сложившихся и узаконенных в данном обществе социальных отношений. Данная трактовка проблемы нигилизма получила наиболее полную разработку в трудах М. Мамардашвили. Нигилизм у него – своеобразный способ пережить собственное поражение, итог «несамодостаточности человеческих состояний», означающий отказ от установки на преодоление жизненных обстоятельств. «Нигилизм – это твердое убеждение, что *не я могу*. Говоря на абстрактном языке, это отрицание возможности как таковой, что в конечном человеческом действии может быть выполнено что-то. Что всегда может быть завтра» [5, с. 230].

Заметим, что именно такой базовый подход к нигилизму – нигилизм, как *отказ от поступка*, – будучи использован в юридической науке, позволяет вполне обоснованно выделять *пассивные формы* правового нигилизма (инфантилизм, индифферентность и т.д.). Вместе с тем, по нашему мнению, сле-

дует согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что признаком нигилизма является не объект отрицания, а *степень отрицания*, его категоричность и всеобщность [2, с.16]. Нигилизм в его законченном виде несет в себе энергию разрушения. Этой его особенностью и обусловлено наличие временами позитивной «очистительной» функции нигилизма, которая наиболее ярко проявляет себя в периоды слома консервативных систем и перехода к новым общественным отношениям. Что касается непосредственно правового нигилизма, то заложенный в нем заряд разрушения проявляется в активной противоправной тенденции. Эта активность может принимать различные формы: от прямого акта правонарушения до неуважительного высказывания в адрес права в целом или конкретных правовых норм; она может быть устойчивой и ситуативной. Но в отличие от индифферентности, нигилизм, как сложившаяся форма, имеет достаточно четко выраженную направленность *против права*. Классическим примером убежденного правового нигилиста является Л.Н. Толстой, чьи воззрения носили характер агрессивного антиюридизма (как известно, юриспруденцию в своем «Письме к студенту» Толстой называл болтовней о праве, наукой еще более лживой, чем политическая экономия) [6, с. 56].

В современной философии относительно нигилизма было высказано также еще одно положение, принимая во внимание которое, трудно согласиться со сведением нигилизма лишь к сугубо личной деструктивности, отказу индивидуума от социально активной позиции. Так, Р.Н. Павельев в своем исследовании, посвященном проблемам нигилизма, отмечает: «Только в том случае, когда сугубо личные деструктивные переживания и действия индивида приобретают массовый характер и четко выраженную политическую ориентацию, т.е. получают теоретическое обоснование и оправдание, они принимают нигилистический, разрушительный, по своей сути, характер... Трансформация индивидуальной деструктивности в нигилистические акты непременно требует наличие адекватно (отрицательно) заряженного коллектива единомышленников и соответствующей идеологической системы» [4, с.4–5]. Таким образом, степень распространенности также может считаться некоторой качественной характеристикой нигилизма.

Однако ключевая особенность нигилизма, просматриваемая во всех философских

концепциях, заключается в характеристике нигилизма как *своеволия разума*. «Распоясавшийся» разум основывается лишь на своеволии человека. Пытаясь снять всякие границы и горизонты, он опустошает пределы мира, ниспровергает Бога и, поскольку свято место пусто не бывает, тщится занять это место, полагая себя абсолютным центром мира [7, с.184]. Столкнувшись с невозможностью удовлетворения своих экзистенциальных потребностей в рамках фактически сложившихся и узаконенных социальных отношений, нигилист пытается выйти за эти рамки и утвердить собственную справедливость, причем возводит ее в ранг закона для всего общества. Таким образом, нигилистическое мировоззрение возникает в результате несоответствия образа идеальной модели мира и личного присутствия в нем с реальной действительностью и возможностями самореализации. Посредством отрицания зарождается новая умозрительная концепция, принципиально противоположная существующей жизненной модели. Это важнейшая особенность нигилизма, которая в полной мере проявляет себя в правосознании и правовых отношениях. Более того, именно выстраивание альтернативной модели поведения является, на наш взгляд, тем фундаментальным положением, на котором и следует основывать понятие правового нигилизма.

Таким образом, правовой нигилизм – это не только отрицание права или осознание его несовершенства. Сущность правового нигилизма составляет принципиальное отрицание за правом роли социального регулятора, способного эффективно воздействовать на общественные отношения и оказывать реальное содействие в удовлетворении жизненно важных потребностей. Собственную (или чью-либо еще) несостоятельность в правовом поле нигилист расценивает как слабость и несостоятельность самого права. Правовой нигилист отрицает право не только как социальный регулятор, но и в другой его ипостаси – право, как воплощенную свободу. Напротив, само существование правовых рамок он воспринимает как препятствие своей личной свободе, камень преткновения на пути реализации своих личных потребностей, идущих вразрез с требованиями правовых предписаний. Скептическая оценка права переходит в нигилистическую установку в тот момент, когда границы правового поля перестают казаться индивидууму чем-то непроницаемым, чем-то, что нельзя обойти при помощи иных, внеправовых форм бытия, в которых экзистенциальные потребности реализуются гораздо

проще и быстрее, без громоздких юридических процедур. Здесь мы с полным основанием можем вернуться к отмеченной несколько ранее особенности «нигилизма петербургского фасона» – стремлению, едва расставшись с одним авторитетом, тотчас отыскать себе другой. Так на смену отвергнутому праву приходят иные ценностные системы, которые начинают доминировать в сознании и берут на себя роль регулятора поведения. Эта «заменяемость» права иными регуляторами всегда присутствует в образе мысли и действий правовых нигилистов. Сами же виды этих неправовых (а часто и противоправных) регуляторов достаточно разнообразны и могут быть рассмотрены на конкретных примерах достаточно типичных для современного белорусского общества.

В качестве одного из таких примеров можно рассматривать внутренний мир правонарушителя-рецидивиста, для которого само существование норм уголовного законодательства и правоохранительная деятельность государства становятся препятствием на пути к удовлетворению его желаний. В среде таких лиц существует целый пласт своеобразных отношений, регулируемых «деликвентными» нормами, заменяющими нормы правовые. Более того, существует целая субкультура криминального мира, которая возникает как средство отражения, а затем и удовлетворения соответствующих психологических интересов, потребностей и установок преступника. Ведущими мотивами этой культуры являются мотивы глубоких душевных потрясений, чувство протеста, тоски, отчаяния и ожесточения [8, с.4]. К сожалению, сегодня, когда происходит практически беспрепятственное воздействие субкультуры преступного мира на культуру общества в целом, действие неписаных норм и традиций поведения криминального мира вышло далеко за рамки «официального» преступного мира и распространилось на значительное количество населения, в особенности на подростков (для которых данная субкультура притягательна своим «романтизмом», эпосом ложно понимаемой свободы). Также наблюдается широкое распространение элементов криминальной субкультуры в среде граждан, занятых в предпринимательском секторе, малом и среднем бизнесе, то есть как раз в тех самых кругах, которые должны были бы составлять так называемый «средний класс», основу гражданского общества и главную опору правопорядка. Последствия такого «смещения культур» могут в дальнейшем стать еще более ощутимыми и привести к размыванию

духовно-нравственных ориентиров общества и его дальнейшей криминализации.

Теперь обратимся к примеру совсем в другом роде. Речь пойдет о правовом нигилизме в правотворчестве государственных органов, призванных подавать пример в соблюдении законности и исполнении правовых предписаний. Многочисленные примеры превышения своей компетенции постоянно демонстрируют в своей правотворческой деятельности государственные органы административно-территориальных единиц. Не так давно в столице Беларуси по распоряжению Минского городского исполнительного комитета была учинена настоящая расправа над киосками, в результате чего сектор мелкорозничной торговли в столице значительно сузился. Принятие такого решения вопреки многочисленным протестам граждан ставит под сомнение соблюдение основ гражданского и предпринимательского законодательства, а также незыблемость статьи 13 Конституции Республики Беларусь, закрепляющей равенство прав для осуществления хозяйственной деятельности, и статьи 120 Конституции, провозглашающей, что местные Советы депутатов в своих решениях должны руководствоваться интересами населения, проживающего на определенной территории.

Также местными исполнительными и распорядительными органами нередко издаются нормативные акты, противоречащие законодательству Республики Беларусь. Например, решением Минского городского исполнительного комитета от 17 июля 2001 г. № 917 утверждена Городская программа комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими и психотропными веществами и их незаконному обороту в городе Минске на 2001–2005 годы, что является явным нарушением ст. 121 Конституции Республики Беларусь, а также требований п. 1 части шестой ст. 16 Закона Республики Беларусь от 20 февраля 1991 г. «О местном управлении и самоуправлении». Вышеуказанными актами право утверждения программ экономического и социального развития предоставлено исключительно местным Советам депутатов [9, с.71].

Нередко, стремясь поскорее ввести в действие не слишком качественно подготовленные правовые акты, должностные лица государственных органов игнорируют обязательную, установленную законодательством процедуру юридической экспертизы в Министерстве юстиции Республики Беларусь и последующую процедуру регистрации в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь (без которой нормативные акты не имеют действительной юридической силы). Какие мотивы

движут чиновниками, сознательно принимающими решения, выходящие за рамки их компетенции и попирающие действующее право? Чаще всего это соображения целесообразности, преследование сиюминутного псевдогосударственного интереса. В последнее время беззаконие, исходящее от чиновников, приобрело склонность оправдывать себя поддержкой проводимой в республике политики «сильного государственного регулирования», устанавливая все новые ограничения для субъектов хозяйствования, причем нередко с нарушением норм, установленных актами более высокого уровня [10, с.22]. Здесь на смену отвергнутому праву приходит волонтаризм руководителя (вот уж поистине *своеволие разума!*) и удивительно живучая советская традиция административно-командной системы.

Воплощение в жизнь принципа приоритета целесообразности над законностью – исключительно благодатная почва для процветания правового нигилизма. Встав на этот путь, вполне можно вернуться к тому положению, которое существовало в России в годы военного коммунизма, когда предписания позитивного права были фактически заменены требованиями «революционного правосознания».

Сопоставим два примера, демонстрирующие столь разные по внешнему выражению проявления правового нигилизма, многоликость которого неоднократно отмечалась его исследователями. Что же общего в образе мыслей лояльного к государству чиновника и социально-деформированного преступника? Ответ ясен: и тот, и другой демонстрируют открытое неуважение к правовой норме, отношение к ней как к досадной помехе на пути достижения поставленных целей. Это неуважение только усиливается тем обстоятельством, что на поверку оказывается, –

проигнорировать требования правовой нормы вполне возможно. На помощь в этом приходят альтернативные неправовые регуляторы самого разнообразного характера: криминальные, административно-командные, нравственно-религиозные и другие, представляющиеся более эффективными и призванные заменить право в процессе реализации потребностей.

Человека невозможно заставить силой уважать право. Еще И. Кант справедливо отмечал, что в основе феномена права лежит принцип автономии воли. «Я могу быть принужден другими совершать те или иные поступки, направленные как средства к определенной цели, но не могу быть принужден другими к тому, чтобы *иметь ту или иную цель*; лишь я сам могу сделать что-то своей целью» [11, с.314]. Несмотря на то, что правовая норма обеспечена и защищена государственным принуждением, это принуждение чаще всего бывает обращено на субъекта уже ретроспективно. Для того чтобы человек сознательно и добровольно исполнял правовые предписания (а именно такое исполнение – лучшая гарантия законности), нужно комплексное воздействие на его правосознание, повышение уровня индивидуальной правовой культуры. При этом не надлежит забывать и о том, что какова бы ни была интенсивность правовоспитательной работы в государстве, уровень правовой культуры не может находиться в значительном отрыве от уровня культуры общей, а также материального уровня жизни в данном обществе. Поэтому никакие меры по совершенствованию правосознания не принесут ожидаемых плодов, если проводить их без адекватной деятельности в экономической, социальной, идеологической и иных жизненно-важных сферах общественной жизни.

Литература

1. Федоренко К.Г. Правовой нигилизм: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001.
2. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критического анализа. Л.: Лениздат, 1972.
3. Грицанов А.А., Румянцева Т.Г. Нигилизм // Новейший философский словарь. Мн., 2003.
4. Павельев Р.Н. Нигилизм как специфическая форма деструктивности: социально-философский анализ. Автореф. канд. дис. Воронеж 1998 г.
5. Мамардашвили М.К. Философские чтения. Спб.: Азбука-классика, 2002.
6. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1936.
7. Жук И.В. Крест Хайдеггера: преодоление европейского нигилизма. М.Хайдеггер и философия XX века: Сб. докл. Мн.: Менск, 1997.
8. Кожевников С.Н. Социально-правовая активность личности и условия ее действительности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Высшая юридическая заочная школа МВД РФ, 1992.
9. Дмитрук В. Правотворчество – единая система // Юрист, 2002. № 3(10).
10. Для кого закон писан // Сектор права. 2003 г. 22 декабря. № 50/2003.
11. Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2. Метафизические начала учения о добродетели: Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.